Жители планет

Камиль Фламмарион

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Что такое на тех отдаленных светилах? Имеются ли достаточные основания предполагать, что и другие миры населены подобно нашему, и если жизнь есть на тех небесных землях, как на нашей подлунной, то похожа ли она на нашу жизнь? Одним словом, обитаемы ли другие миры, и, если обитаемы, жители их похожи ли на нас?»

- Камиль Фламмарион
  - ○

Камиль Фламмарион
Жители планет

ОЧЕРКЪ

Камилла Фламаріона

Яркий блеск Венеры, каждый вечер мерцающей над нами, новые наблюдения, сделанные над продолжительностью кругообращения этой прекрасной планеты, неожиданные открытия, предметом которых стал наш другой сосед — Марс, приготовления, совершаемые в настоящее время по поводу его скорого приближения к нам, успехи, достигнутые спектральным анализом и небесной фотографией — все, по-видимому, способствует напряжению внимания астрономов, философов, натуралистов, наконец, поэтов в разрешении верховного вопроса, возникающего в человеческом уме при созерцании вселенной. Что такое на тех отдаленных светилах? Имеются ли достаточные основания предполагать, что и другие миры населены подобно нашему, и если жизнь есть на тех небесных землях, как на нашей подлунной, то похожа ли она на нашу жизнь? Одним словом, обитаемы ли другие миры, и, если обитаемы, жители их похожи ли на нас?

Вопрос гораздо серьезнее, шире и сложнее, чем думают некоторые ученые. Конечно, можно совсем не интересоваться им, потому что нет в разрешении его практической пользы, и современное поколение, воспитанное в культе преклонения пред материальными выгодами и сосредоточенное на изобретении средств, как добывать деньги, вероятно, того мнения, что человечество может существовать, не заботясь о чудесах творения. Зачем поднимать глаза к небесам? Зачем приходить в восторг от солнечного заката? Зачем созерцать пейзаж, дремлющий в белом сиянии лунного света? Зачем внимать ветру, шумящему среди деревьев? Зачем очаровываться полночной тишиной? Зачем вдыхать аромат роз?.. Все это пустяки. Время — деньги! Дела! Дела! Люди, братья мои, для вас это все.

Но существует развитое меньшинство, для которого мало прирожденного невежества. Есть люди, которых привлекает к себе неизвестное. Есть души, которые мыслят, волнуются, ищут. Это

духовное меньшинство составляет всю славу человечества; ему обязаны мы успехами наук, изящной словесности и искусств; его усилиям, его трудам, его вдохновениям, его победам обязаны мы тем, что в настоящее время не все люди похожи на горилл и на чимпандзе, и что такие города, как Париж, возвышаются на месте первобытных, третичных лесов.

Однако, мыслящие люди мыслят не всегда одинаково — даже в таком специальном вопросе, как тот, которому посвящена наша настоящая статья. Большинство относится в нему даже поверхностно. Мы хотели бы показать здесь, что последние успехи науки приводят нас к распространению на вселенную во всей ея бесконечности принципа жизни, приложение которого на земле есть только одна из бесчисленных его форм — кроме существующих на земле видов жизни могут быть еще всевозможные другие, и, наконец, наша эпоха не что иное, как единичная волна в океане веков. Мы уж не говорим о том, что наш вопрос столь же заслуживает внимания, как и другие не лишенные интереса предметы, обсуждаемые в литературе — о том, какая наружность была у Аспазии, у Фрины, у Клеопатры, у Агнесы Сорель, у Дианы Пуатье и у Лукреции Борджиа.

* * *

Наблюдая другие миры, мы прежде всего стремимся узнать — похожи ли они на наш. Когда мы смотрим на луну и Венеру, на Марса и Юпитеру в телескоп, мы инстинктивно и как бы естественно отыскиваем аналогии между ними и обитаемым нами миром. Усилия наши направляются к тому, чтобы определить условия обитаемости каждого мира, его климат, времена года, состояние атмосферы, его плотность, вес, продолжительность дня и ночи, его метеорологию — с тою предвзятою мыслею, что степень вероятности в пользу существования на нем жизни параллельно степени сходства его с обитаемой нами планетой.

Конечно, мы имеем кое какое право так рассуждать, потому что мы не знаем другой жизни, кроме всего существующего вокруг нас. Непосредственное наблюдение земных фактов приводит нас к заключению, что для жизни необходима атмосфера такая же, как наша, такая же точно вода, температура не очень холодная и не очень высокая, вещество не крайне плотное, но и не чересчур легкое, годы не очень долгие, но и не очень короткие, одним словом, мы ставим жизнь в зависимость от условий, схожих с нашими. Мир, лишенный, например, кислорода, нам кажется совершенно необитаемым по той простой

причине, что если бы кислород исчез из земной атмосферы, все человечество внезапно погибло бы. Точно также мир, лишенный воды — я разумею нашу химическую воду, состоящую из двух объемов водорода и одного кислорода — объявляется учеными земли необитаемым. То же самое прилагается и к миру, на котором нет углерода и т. п.

Эх! Эти рассуждения ученых — рассуждения рыб. Вообразите на минуту, что две серебристые рыбки беседуют вместе на дне реки, освещаемой солнцем (рыбы отлично понимают друг друга, несмотря на свою немоту). Та из них, которая не раз готова была соблазниться предательским крючком, но которая, будучи одарена известной долей наблюдательности, узнавала рыбаков при их приближении, уверяет свою подругу, что вне воды живут. Эта последняя, прекрасно изучившая условия рыбьей жизни и физиологию жабр, легко разбивает свою ослепленную противницу и подавляет ее тяжестью научных доказательств. «Жить вне воды! Какая здравомыслящая рыба может хладнокровно выслушивать подобные глупости! Как же, даже устрица не поверит подобным сказкам! Тени, движущиеся на берегу, вовсе не живые — это оптическая иллюзия. Жить без воды! Что за шутка! Чтобы жить, нужна вода, и хорошая пресная вода, хотя когда-то почтенный осетр уверял, что он путешествовал до самого океана и видел настоящих рыб, живущих в соленой воде! Фи!»

Доктор из Сорбонны не бывает ни логичнее, ни уже в своей аргументации, хотя и выражается более возвышенным языком. Впрочем, справедливость требует сказать, что нас можно за это извинить. Мы изучаем условия жизни на земле в ея границах, и нам трудно догадаться, какая может быть жизнь при других условиях.

Однако, взгляд, брошенный на земную жизнь в ея целом, позволяет нам не заключать наш горизонт в слишком узкий круг. Уже громадная разница между жизнью в воде и жизнью в воздухе указывает на бесконечные ресурсы природы. Еще недавно близорукие натуралисты учили, что глубины океана не могут быть обитаемы по причине страшного давления, господствующего в этих безднах и способного, как уверяли, раздавить вдребезги пушку, а также по причине вечной тьмы препятствующей там какой бы то ни было молекулярной работе. Любопытный исследователь, в погоне за истиной, погружает зонт на тысячу, на две тысячи, на три тысячи метров глубины и вытаскивает оттуда живые чудеса, восхитительных моллюсков необыкновенной нежности, создания грациозные, как мотыльки, которые жили там, находясь в совершенном равновесии с плотной средой и наслаждаясь бытием в лучах света, творимого ими самими…

Какое разочарование! И какой урок!

Жизнь! жизнь! Но она мерцает по всему земному шару, от самых мрачных глубин океана до белых вершин вечных снегов. Она дрожит в луче солнца. Она кипит в котле воды, она населяет воздух микробами, она размножается, разрушаясь. Она облекает всю землю бесконечными сетями, вечно возникающими из самих себя. Она проявляется в почве, в воде, в воздухе, в растении, в животном, она пожирает себя, но не перестает быть. Она льется с переполненных краев земной чаши, чересчур тесной для нее, а мы хотим начертать ей границы? Рыбы мы!

* * *

По какому праву осмеливаются говорить жизненной энергии, разлитой во вселенной: «до сих пор дойдешь, но дальше этого предела не пойдешь!» По праву науки? Ошибочное заключение. Известное — это только крошечный островок посреди огромного океана неизведанного. Морские бездны, казавшиеся предельной гранью, обнаружила свои недра, населенные своеобразной жизнью. Возразят: но в конце концов там есть воздух — есть кислород. Кислород необходим. Мир без кислорода обречен смерти, это вечно бесплодная пустыня. Почему? Только потому, что мы еще не наблюдали организмов, дышащих без воздуха, живущих без кислорода? Новая ошибка. Даже тогда, когда в этом деле не были известны такие существа, нельзя было доказать, что их и не может быть. Но они *есть,* их знают. Это — анаэробии. Они живут без воздуха, без кислорода. Еще лучше: кислород их убивает!

Очевидно, что истолковывая как следует зрелище земной жизни и положительные данные, приобретенные изучением, мы должны расширить круг наших понятий и суждений и не приурочивать планетарных существований к рабскому образу, что существует здесь. Земные органические формы обязаны местным причинам: химический состав воды и воздуха, температура, свет, удельный вес, плотность — вот элементы, из которых и под влиянием которых сложилось наше тело (в отдаленный момент его творческого создания). Углерод, азот, водород и кислород в виде воды, и некоторые другие элементы — их немного — входят в состав нашей телесной оболочки. Тело животных химически не рознится от нашего. Все берется у воды и воздуха и туда же возвращается. Одни и те же элементы образуют живые тела. Бык, глотая траву, обрастает таким же мясом, как человек, поедая быка. Вся земная организованная материя есть ни что иное, как

углерод, соединяющийся в различных пропорциях с водородом, азотом, кислородом и т. п.

Но мы не имеем никакого права запрещать природе действовать иначе на тех мирах, где, положим, нет углерода. Мир, где углерод заменяется кремнием и кремневая кислота играет роль угольной кислоты, неужели не обладает организмами, совершенно отличными от наших не только по форме, но и по составу? Мир, на котором господствует хлор и соляная кислота, не должен ли представить совсем другую картину жизни? И точно также бром не видоизменит ли ея форм? Да зачем ограничиваться одной земной химией? Кто докажет нам, что наши простые тела или элементы действительно просты? Водород, углерод, кислород, азот, сера — не сложные ли это тела? Их эквиваленты суть производные первого: 1, 6, 8, 14, 16. А что если водород не самый простой из элементов? Его молекула состоит ведь из атомов — что если существует один вид первичных атомов, разнообразные геометрические сочетания и группы которых составляют частицы элементов, считающихся простыми?

Во всяком случае не подлежит сомнению, что чудесные откровения спектрального анализа не говорят в пользу, как утверждают обыкновенно, единства химического состава различных небесных тел — абсолютного единства далеко нет. В нашей собственной солнечной системе открыты существенные различия между некоторыми планетами. В спектре Юпитера, напр., обнаружено действие неизвестного тела, выражающееся в сильном поглощении некоторых красных лучей. Этот газ, не существующий на земле, еще резче дает себя знать в атмосфере Сатурна и Урана. На Уране атмосфера не имеет ничего общего с нашей, за исключением водяных паров. Наконец на самом солнце открыто присутствие простого тела, названного гелием и еще никогда не встречавшегося на земле.

Родство планет между собою неоспоримо — все они дочери одного отца. Но они не похожи друг на друга не только в отношении положения, объема, массы, плотности, температуры, но и в химическом отношении. Просим обратить внимание на это обстоятельство, в котором мы видим не препятствие, не помеху жизненным явлениям, а напротив — новое поле, открытое бесконечной плодовитости вселенной.

Итак, когда мысль наша уносится не только к соседям нашим — Марсу, Юпитеру, Венере, Луне или Сатурну, — но и к мириадам неизвестных миров, тяготеющих вокруг солнц, рассеянных в пространстве, мы не имеем ни малейшего повода воображать, что жители этих других земель похожи на нас в чем

бы то ни было, ни формой, ни даже органическим составом. Вещество земного человеческого тела обязано элементам нашей планеты — преимущественно углероду. Форма наша находится в соответствии с условиями нашего происхождения, анатомического и физиологического развития, и поэтому походит на формы других земных животных. Человек — это вершина громадного генеалогического дерева, ветви которого братья, а корни погружены в массу зачаточных простейших животных. Все формы жизни, которые можно вообразить и нельзя вообразить, должны населять множество миров. Земной человек одарен пятью чувствами или, вернее, шестью… С какой стати природа остановится на этом? Почему бы ей не одарить некоторые существа чувством электричества? магнетизма? чувством местности? Чувством, уловляющим колебания эфира в лучах ультракрасных или ультрафиолетовых? позволяющим слышать на далекие расстояния и видеть сквозь стены? Мы едим и перевариваем пищу, как грубые животные: может быть, есть миры, на которых питаются воздухом? Ничтожный воробей, даже летучая мышь имеет преимущество над нами, носясь в воздухе. Разве наш мир не низший, если на нем самый гениальный человек и самая прекрасная женщина прикованы к земле, как улитки? И разве дурен мир, где люди летают, когда захотят? Мир благоуханий и сладострастия, где, может быть, цветы одухотворены? Где ветры неспособны бушевать, где солнца различных цветов — бриллиантовое вместе с рубиновым или гранатовое с изумрудным и сапфирным — горят днем и ночью, где ночи голубые, дни пурпурные, где вечная весна и многоцветные луны отражаются в зеркальных водах, где светятся горы, где мужчины и женщины или другие полы, более совершенные, одаренные многообразною чувствительностью и высшей красотою, парят в воздухе, распространяя вокруг себя сияние, где все несгораемо, все бессмертно и где можно только убить себя из любопытства? Жалкие атомы, убедимся, наконец, что наше воображение бессильно посреди бесконечности, едва созерцаемой при помощи телескопа.

И когда Венера сверкнет во всем своем блеске, и мы, глядя на величие звездной ночи, думаем о неизвестных мирах, населяющих пространство — будем твердо верить, что они обитаемы, были обитаемы или будут — их жизненный цикл не обязательно современен нашему, но это бесконечное разнообразие царствует на небесах, как и в садах земных. Там есть расы, несравненно дальше нас ушедшие на пути усовершенствования. Наша земля со всею ея политическою и социальною историею есть только крошечный муравейник.